

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (3872)

Четверг, 22 мая 1958 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ в столицу нашей Родины прибывает выдающийся государственный деятель, Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен. В его лице мы приветствуем дружелюбный талантливый и трудолюбивый финский народ, к которому советские люди издавна питают искреннюю любовь и уважение.
В памятный для финского народа день провозглашения самостоятельности Финляндии — в хельсинкском парке Кайвопуосто была посажена ель. Любвию берегемая, она растет вот уже более сорока лет. Финский народ помнит о том, что свою государственную независимость он получил благодаря поддержке социалистической России.
Советский Союз и Финляндия — соседи, и они проявляют обоюдное желание жить, как подобает добрым соседям, — в мире и дружбе.
Советско-финляндские отношения, основанные на взаимном уважении, на твердых принципах равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, на стремлении создать спокойную обстановку в Северной Европе и упрочить всеобщий мир и дружбу между народами, служат наглядным примером жизнеспособности политики мирного сосуществования.
Совсем недавно наши страны торжественно отметили десятилетие советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Этот договор выдержал испытание временем и показал, что он отвечает насущным интересам народов обеих стран. Избавленная от бремени гонимых вооружений, Финляндия проводит миролюбивую внешнюю политику. «Линия Пааскиви — Кекконена», главной особенностью которой является политика дружественных отношений с Советским Союзом, стала краеугольным камнем полевого и внешнеполитического курса Финляндии.
Для развития дружественных отношений между странами огромное значение имеют личные встречи руководящих государственных деятелей. Визит Президента Урхо Кекконена в нашу страну будет способствовать дальнейшему углублению взаимопонимания и всестороннему развитию дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Финляндией.
Пусть же растет, крепнет и развивается советско-финляндская дружба на благо дела мира во всем мире!
На снимке: Президент Финляндской Республики Урхо Кекконен.

20 МАЯ в Ашхабаде началось региональное совещание работников литературных журналов и издательств республик Средней Азии и Казахстана. В совещании участвуют писатели и критики этих республик, а также Москвы и Закавказья. В президиуме — первый секретарь ЦК КП Туркмени С. Бабаев, секретарь ЦК КП Туркмени Н. Дурдыев, председатель Совета Министров республики К. Караев, председатель Президиума Верховного Совета Туркменской ССР А. Сариев. В зале — представители общественности.
Первый вопрос повестки дня — о ходе подготовки ко второй международной конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоится в текущем году в Ташкенте. Председатель совещания К. Сейтязев представляет слово члену Советского подготовительного комитета, секретарю правления Союза писателей СССР К. Симонову.
— Главная цель нашего совещания сегодня, — начал К. Симонов, — обсуждение предпринятых мер, уже внесенных практических предложений, а еще больше — новые деловые конкретные предложения, направленные на помощь комитету, на расширение планов подготовки. Наше совещание должно думать — что мы все, особенно наши издательства и журналы, можем и обязаны сделать, чтобы хорошо, широко, разносторонне подготовиться к конференции.
Нельзя даже на таком практическом, организационном совещании не сказать о важности этой конференции, ее международного резонанса. Когда узбекская поэтесса Зулфия на первой такой конференции в Дели от имени советской делегации предложила сделать местом второй — Ташкент, собравшиеся писатели горячо приветствовали это предложение. А мы, советские писатели, представлявшие в Дели девять советских литераторов, уже там еще и еще раз почувствовали, какал большая ответственность ложится на нас. Это большая и радостная ответственность, ибо такое решение было показано, как колоссально вырос авторитет Советского Союза, его добрая слава среди общественности стран Востока. Мы представляли в Дели великую, единую, многонациональную советскую литературу. Для нас эти слова звучат привычно. Но как страдают писатели Востока, например, писатели многоязычной Индии, от взаимной разобщенности! Это, конечно, их беда, а не вина. Это вина колонизаторов, насаждавших разобщенность в течение веков.
Значение предстоящей в Ташкенте конференции не просто узко литературное. Японские писатели, которые были недавно в Москве, рассказали нам, что у них в Японии интерес к конференции охватывает не только литературные круги, но вышел даже за рамки кругов интеллигенции. Конференцией интересуются в странах Запада и других странах мира.
— Несколько месяцев назад, — сказал К. Симонов, — я был в Аргентине. В Буэнос-Айресе состоялась встреча с писателями некоторых южноамериканских государств. Они говорили о своем большом желании послать наблюдателей в Ташкент. У нас с писателями Азии и Африки, говорили они, много общих проблем — борьба с колониализмом, например, противозападного империалистического нажиму, проблема единства и связей литературы южноамериканских народов.
— Мы должны ясно понимать, — заявил К. Симонов, — какую большую роль играют такие конференции в борьбе против «западного» высокомерия. Люди, им зарожены, считающие, что мир замыкается на них, иногда не прочь рассуждать — в Дели побные речи были тоже — о современном кризисе мировой культуры. Это неверно, от вечали мы. Если им угодно говорить о кризисе, то надо сказать, что в тушке зашла так называемая «западная» империалистическая культура. Кризиса мировой культуры нет, и конференция вроде деловой и предстоящей ташкентской — еще одно тому доказательство.
К. Симонов подчеркнул, что литературу нельзя отрывать от культуры, культуры — от экономики. У нас в Советском Союзе сломаны все «вечные, традиционные» противопоставления Запада Востоку во всех областях жизни. Одна из важных задач советской делегации на предстоящей конференции — как можно лучше и убедительнее показать великодушный опыт Советского Востока во всех областях жизни. Дело это не простое. Мы не можем не учитывать, что к

Перед конференцией писателей стран Азии и Африки

нам придут самые различные люди, с самыми различными представлениями о нашей стране. Ожидается, например, делегаты таких стран Черной Африки, где еще ни разу не бывали советские люди. Будут поэтики делегации, будут происходить беседы, выходящие далеко за рамки только литературных проблем. Налецо огромный интерес к социальной, экономической и культурной жизни нашей страны. Отсюда вытекает, что писатели должны быть готовы удовлетворить этот разносторонний интерес и суметь рассказать гостям о родной стране, о ее прошлом и настоящем, о хозяйстве, о народном просвещении, о перспективах на будущее. Нужно сделать это как можно лучше. Стало быть, и подготовиться как можно основательнее.
Далее К. Симонов касался ряда конкретных организационных вопросов, связанных с предстоящей конференцией писателей стран Азии и Африки. Намечено выступить на разных языках брошюры о братских советских литературах, различные статистические и библиографические сборники. Оратор предлагает, к примеру, издать сборник о постановке переводческого дела в Советском Союзе. Говоря о задачах издательства и журналов, докладчик особенно подчеркнул необходимость реальных сроков и реальных планов, в осуществление которых надо вложить максимум настойчивости, инициативности, последовательности.
— Надо предполагать, что к нам придут литераторы из нескольких десятков стран мира, не считая наблюдателей, — заканчивает Симонов. — А если считать вместе с ними, можно не ошибиться: конференция писателей стран Азии и Африки в Ташкенте будет, в сущности, всемирным форумом. Ответственность на всех нас, советских писателей, большая. «Слаух» о конференции, ее отзывы пройдут по всему Востоку, всему миру. Но для этого надо поработать, и работать уже сегодня запуская рукава! Вслед за докладчиком представители разных братских республик выступили с сообщениями о том, что уже сделано и делается, что намечается в республиках о конференции. Они назвали многочисленные книги писателей китайских, арабских, индонезийских, вьетнамских, корейских и других народов Азии и Африки, которые уже вышли или выйдут к конференции, переведенные на многочисленные языки. В издательских редакционных планах самые различные жанры — от многотомного собрания сочинений Тагора, осуществляемого сейчас в Узбекистане, до сборников сказок многих восточных народов. Широко будут изданы произведения советских писателей и различные сборники (например, в Алма-Ате выйдет сборник «Поэты Казахстана о Китае»), путевые очерки советских людей, побывавших в странах Востока, и зарубежных деятелей, посетивших Советский Союз, различная справочная литература, путеводители и т. д. В Ташкенте будет открыта большая книжная выставка.
Аскад Мухтар подчеркнул особую ответственность узбекских писателей. Помимо переводов произведений писателей стран Азии и Африки на узбекский язык, — многие из которых, как сообщил Аскад Мухтар, делаются в республи-

Шире подготовку к съездам!

Эстония На днях в Таллине состоялось расширенное заседание правления Союза писателей Эстонии, посвященное подготовке к Третьему всесоюзному и Четвертому республиканскому съездам писателей. С сообщением выступил секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков. В прениях приняли участие писатели П. Руммо, П. Куусберг, Ю. Смуул, А. Саар, М. Рауд, В. Бекман, И. Семпер, критики Л. Реммельгас, О. Ийги.
В республике предполагается провести ряд творческих дискуссий, встречи писателей с коллективами трудящихся, литературные вечера, книжные базары. Многие выступавшие говорили, что необходимо больше публиковать литературоведческих, литературно-критических и обзорных статей по важнейшим вопросам литературы, по творчеству отдельных писателей, рецензий на новые книги.
КАЗАХСТАН В Алма-Ате состоялось городское собрание писателей. На собрании обсуждались вопросы подготовки к декаде казахского искусства и литературы в Москве и Третьему всесоюзному съезду писателей.
Выступавшие отмечали успехи в развитии казахской поэзии и прозы за период после декады 1949 года, вносили конкретные предложения для улучшения пропаганды национальных литератур. Многие ораторы подчеркивали необходимость более тесного общения писателей братских республик и планомерной подготовки переводческих кадров. Ораторы упресли «Литературную газету», журнал «Дружба народов» и другие московские журналы и издательства в недостаточном внимании к казахской литературе.
На собрании выступили писатели Г. Муррепов, Д. Абилов, М. Алимбаев, М. Тиесов, Ж. Сани, М. Конрадбаев, Т. Жароков, С. Мартьянов, С. Муканов, А. Тажибаев, И. Жарылгалов.
Задачи, стоящие перед советскими писателями в связи с Третьим всесоюзным съездом, подробно охарактеризовал первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков.
АЗЕРБАЙДЖАН В переполненном зале Дворца культуры Нахичевана состоялось выездное пленум правления Союза писателей Азербайджана, посвященный творчеству местных литераторов. Вступительное слово произнес Мехти Гусейин.
Нахичеван славится богатыми литературными традициями. Отсюда вышло немало известных писателей, например, Дж. Мамедкулизаде, Гусейин Джавад, М. Ордубади. Сейчас Нахичеванское отделение Союза писателей Азербайджана объединяет значительную группу поэтов и прозаиков. Об их творчестве подробно рассказал Расул Раза.
— За последние годы, — сказал докладчик, — нахичеванские писатели создали немало хороших произведений. Главное достоинство большинства из них — хорошее знание жизни.
Расул Раза и выступившие в прениях Мир Джалал, Абульгасан, Сулейман Рустам, Мамед Рагим, Али Велиев, Сулейман Рагимов рассмотрели отдельные произведения молодых писателей, рассказали о задачах литераторов накануне съездов писателей. В обсуждении доклада, кроме писателей, приняли участие первый секретарь Нахичеванского обликома КП Азербайджана Х. Мамедов, преподаватели средних школ, представители общественных организаций.
Участники пленума организовали общегородской вечер, посвященный Гусейину Джаваду. После доклада доктора филологических наук Дж. Ханаана о сложном и во многом противоречивом творческом пути этого выдающегося поэта с воспоминаниями о нем выступили Расул Раза, С. Рустам, Мамед Рагим.
Бакские писатели побывали в ряде районов Нахичеванской АССР, где провели литературные вечера, встретились с колхозниками, сельской интеллигенцией.
Выездной пленум принял в члены Союза писателей пять литераторов. Пленум прошел в творческой, деловой обстановке и явился хорошей подготовкой к предстоящему республиканскому съезду писателей, БАКУ. (Наш корр.)

По-соседски, по-дружески, по-братски

Неделя литовской литературы в Белоруссии
ТРАДИЦИОННЫМИ стали у белорусских писателей встречи со своими друзьями из братских республик. В позапрошлом году они побывали в Молдавии, в прошлом принимали у себя украинцев и ездили на Украину. А сейчас у них гостили литераторы Литвы.
К встрече своих соседей писатели Белоруссии давно и тщательно готовились. На страничках журналов и газет публиковались стихи и рассказы литовских писателей, печатались статьи о литовской литературе. В Государственном издательстве республики вышла книга литовской поэзии «Голоса друзей», над которой потрудились большая группа белорусских поэтов-переводчиков. Отдельным изданием вышла «Братская поэма» Э. Межелайтиса.
«Первый по-настоящему майский день». На шоссе Минск — Вильнюс, в том месте, где сходятся земли Белоруссии и Литвы, собрались колхозники белорусской сельскохозяйственной артели «Большевик»: девушки и парни — с веселыми цветами, пожилые колхозники — с хлебом-солью на самодельном полотенце. Сюда выехала и большая группа белорусских писателей. Здесь, на границе двух братских республик, хозяйва радушно встретили гостей.
Во второй половине дня участники недели прибыли в белорусскую столицу. В окружном Доме офицера состоялся торжественный вечер.
С кратким рассказом о литовской советской литературе выступил А. Венцлова. Литовские поэты читали свои стихи, белорусские выступили с переводами своих друзей и стихами, посвященными белорусско-литовской дружбе.
Впереди — новые встречи писателей Литвы с белорусскими рабочими, колхозниками, интеллигенцией.
МИНСК. (Наш корр.)

Союзу писателей Чехословакии

Вместе с вами глубоко скорбим по поводу смерти народной писательницы Марии Пуймановой, славной дочери Чехословакии. Имя верного друга Советского Союза, большого мастера слова Марии Пуймановой, всем своим творчеством утверждавшей победу жизни над смертью, навсегда останется в памяти миллионов советских читателей.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Анатоллий АГРАНОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

АРИСТОТЕЛЬ заметил, что, когда человек думает о чем-то прошедшем, он опускает глаза в землю; но когда он думает о будущем, то поднимает их к небу.
В эти дни, когда над землей летит наш третий спутник, нет такого уголка на планете, где бы люди не поднимали глаза к небу.
Человечество думает о своем будущем. Но не об этом, не о межпланетных сообщениях пойдет у нас речь. С первых дней в хоре восторженных, растерянных, злословных голосов, которые на всех языках мира повторяли и сейчас скандируют слово «Sputnik», зазвучал вопрос: «В чем секрет этой победы?»
О, все отлично понимают, что такие победы не могут быть случайностью. И понимают, что дело тут не только в спутниках. Речь идет о большем — об уровне науки и культуры в СССР. Не требуется особой проницательности, чтобы осознать: проблему решили не гениально, а коллективно. Большой коллектив советских людей. Наконец, не рискуя властью в ошибку, можно предположить, что костяком этого коллектива были люди в возрасте от 20, скажем, до 55 лет. Другими словами, люди, воспитанные социалистическим строем.
В. Буш, председатель корпорации Института технологии штата Массачусетс, США, заявил: «Самым важным аспектом русской научной программы является метод, который они используют в поисках и обучении своих лучших научных талантов».
Говорить приходится, следовательно, уже не о секрете создания спутника, а о секрете «воздания» людей, руками которых создан спутник. Эта яркая звездочка стала как бы точкой над «и», которая сделала явным для всего мира то, что нам с вами давно уже известно.
Впрочем, мы ведь никогда не делали секрета из «методов» воспитания и обучения нашей молодежи. Физика у нас такая же, как и у океаном. И бинюм Ньютона в прежней силе. И интегралы не претерпели изменений. А того, чем советская наука действительно отлична, в корне отлична от науки буржуазной, недугам нашим, все равно не перенять. Не так давно я очень точно и зрямо увидел это.
Увидел в Харькове, присутствуя на встрече людей, далеко не молодых... В 1917 году они впервые вошли под свода анатомического корпуса — студенты первого советского набора. В 1922 году они окончили Харьковский медицинский институт.
Разъезжаясь, стоваривались: не забудем старую дружбу, встретимся, непременно встретимся... Привычное дело, все мы даем такие обещания — после школы, после вуза, после армии, — но по-

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

публики; есть заслуженные деятели науки, есть ученые с мировым именем. И самое главное, как хорошо сказал один из юбиляров, — «здесь собрались не только богатейшие Платоны Кречеты, но и работяги Бублики, которые выслушали на улице Ольгинского, 11. Через тридцать пять лет после выпуска. Спустя сорок лет после первой своей встречи.
В моем кармане тоже лежала приглашение. Получив его, я задался: меня-то почему зовут на этот юбилей? Сообразил: мой отец кончал институт вместе с ними. Потом он стал журналистом. Сегодня я подписываю свои очерки так же, как он подписывал свои. Другая же могли и не знать, что отец мой умер... Я решил поехать на юбилей.
СМОТЯТ друг на друга, нет, не улыбаются — всматриваются, узнают ли и не узнают.
— Коля, ты?
— Иван Иванович привет!
— Мишка, черт! Молодой еще.
— А шо? Пятьдесят седьмой год. Приличный зрелый возраст.
Объятья, поцелуй. У многих слезы на глазах.
Средний возраст здесь — «под шестьдесят». Но как же помладше они, встретившись со своей юностью. Слова студента... Шум, смех, шутки, старые прозвища. Закроешь глаза — молодежь вокруг. «Мишка, помнишь СХУ?» — «Что это?» — «Эх, ты! Союз харьковских холостяков»... «И вот, прихожу я в анатомичку, а там легендарный Лаврентий. «Ну-с, — говорит, — выучи ты газетные восты»... «Хлопцы, пошли снимать ся!» — ей-богу, так и сказал кто-то: «хлопцы». А откровенно глаза — седые вокруг, лысеет, тучные.
Удивительный это, если вдуматься, выпуск. Октябрь распахнул перед нами двери высшей школы. В дни революции многие из них, студенты 17-го года, были в рядах рабочих дружин и отрядов рабочей гвардии. Потом бросали учебу, чтобы быть Деникиным, сражаться с Врангелем... «А помнишь горькое пшено, студенческий паек?» «А артель по разгрузке угля?» «А сипяк?»...
— Когда же вы учились? — спрашиваю у профессора Александра Рабухина.
— Да как вам сказать... Мы ведь еще бесконечно заседали: студюбор труда, совет студенческих комиссаров, пролетстуд, ЦБ комстуденчества. Сложное было время.
Тут мы сталкиваемся с одним, так сказать, чудом. Годы их учебы с точки зрения «академической» мало были приспособлены для углубленных занятий. Но вот результат: 25 врачей этого выпуска — кандидаты медицинских наук, 27 — доктора наук. Есть среди них члены-корреспонденты Академии медицинских наук, есть заслуженные врачи рес-

Выступает Николай Новаченко. Для коллег он крупнейший ортопед страны, директор Украинского института ортопедии и травматологии, член-корреспондент академии, автор многих ценнейших трудов, глава Харьковского медицинского общества. А для друзей он по-прежнему «Коля», «Болыка», «Коленька» — веселый, шумный, грохочущий переканьями чоботами, один из главных заводил на курсе в 17-м году. Тем интереснее им услышать об операции, разработанной этим человеком, — сложнейшей операции, которая ставит калека на ноги в самом буквальном смысле этого слова...
Анатоль Франс сравнил как-то время, дарованное каждому из нас, с драгоценной тканью, по которой мы вышиваем, кто как может. Люди, собравшиеся в Харькове, украсили свое тридцатипятилетие узорами позитивные драгоценности. Недаром труды многих из них известны сегодня на родине французского классика. Широко применяется так метод обезболивания родов, разработанный коллективом врачей во главе с доктором медицинских наук Илшей Вельдовским. И не только там — во многих странах применяется этот метод, избавляющий матерей от родовых мук. Труды харьковского ученого были названы во французской печати «даром гуманности советской науки всему человечеству».
Я думаю сейчас о юбилярах. О тех, которые названы в этом очерке, и о тех, которых я не смог, к сожалению, даже упомянуть. — В Харькове собралось ведь более ста человек. На первый взгляд, рассказ об их коллективном труде не связан с последними великими событиями в научном мире — с атомной физикой, авиацией, ракетостроением. А если вдуматься, и тут речь идет о судьбах науки. Юбилей медиков, слав время, сделал легко обозримым сорокалетний путь многих людей и показал главное. В пору их учебы впервые в истории родилась интеллигенция, кровно связанная с народом. С той поры и поныне жизнь этих людей безвозвратно отдала народу, партии.
Казалось бы, сказанное не стоит в прямой связи с «чистой наукой». Но именно отсюда — все успехи советских ученых.
ЖАЛЬ было, что студенты, нынешние студенты, не приглашены на юбилей. Я понимаю, что и аудитория была бы тесновата, что присутствие молодежи скваило бы старых друзей, что не было бы тогда всей этой чудесной атмосферы студенческой сродки. И все-таки жаль мне было, что комсомольцы студенты не слышали того, что я слышал.
(Окончание на 2-й стр.)

ХИМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ — В МАССЫ

В СССР химическое общество имени Д. И. Менделеева — одно из старейших объединений ученых страны. Оно было создано в 1868 году Д. И. Менделеевым, Н. И. Зининым, Н. А. Меншуткиным, А. М. Бутлеровым, Н. П. Бекетовым и другими выдающимися деятелями химической науки и техники и называлось тогда Русским химическим обществом.

За девятнадцать лет своего существования общество приобрело немало славных традиций и накопило богатый опыт пропаганды химических знаний. На одном из первых его заседаний, в 1869 году, был оглашен периодический закон Менделеева, выраженный гениальным ученым в виде периодической системы химических элементов. Сам Дмитрий Иванович был тогда болезнен, и сообщение об открытии им важнейшего закона природы сделал от его имени Н. А. Меншуткин. Периодический закон Менделеева, как известно, явился фундаментом для последующего бурного развития не только химии, физики и других естественных наук, но имеет огромное значение и для всего современного миропонимания.

В настоящее время Всесоюзное химическое общество имени Д. И. Менделеева значительно разрослось, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» президент общества проф. И. П. Лосев. — Менделеевское общество объединяет сейчас 18 589 действительных членов, насчитывает более 400 первичных организаций на заводах, в институтах и т. д., а также свыше сорока отделений, раскинувшихся по всей стране. Общество проводит массовые лекции и лекции, организует курсы, семинары и школы повышения квалификации на предприятиях химической промышленности, издает научную и научно-популярную литературу.

Исторические документы майского Пленума ЦК КПСС об ускоренном развитии химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них представляют грандиозную программу дальнейшего технического прогресса всего народного хозяйства страны и определяют гигантский шаг в развитии ее производительных сил, в создании новых средств материальной культуры. В связи с этим и Менделеевскому обществу предстоит решительно повести свою деятельность в борьбе за новые успехи отечественной химии, расширить пропаганду химических знаний среди населения.

Центральное правление общества, — продолжал проф. И. П. Лосев, — уже дало указание республиканским, крайским и областным управлениям о развертывании всех форм массовой пропаганды химической науки. Правления должны проводить эту работу совместно с союзниками и отделами общества по распространению политических и научных знаний.

Менделеевское общество приступает к работе по координации деятельности различных издательств, связанных с выпуском брошюр на темы, вытекающие из Постановления майского Пленума ЦК КПСС.

Прежде всего Центрального правления общества решено чаще выпускать сборники «Успехи химии и технологии высокомолекулярных соединений», в связи с чем расширяется состав его редакционной коллегии. Намечено с будущего года приступить к изданию согласованной с Академией наук СССР серии монографий по полимерам. Кроме того, будет подготовлен ряд справочных изданий по химии полимеров и другим отраслям химической промышленности, отдельными брошюрами выйдут сообщения о выставке синтетических материалов и изделий из них, экспонировавшейся в Кремле. Намечается издание популярных брошюр по химии с иллюстрациями.

Организуется передвижная выставка изданий химической промышленности из

пластических масс, искусственных волокон и других синтетических материалов, а также выпуск научно-популярных фильмов о применении химии в народном хозяйстве, о новых синтетических веществах, современных методах труда на химических предприятиях, новом оборудовании, технике безопасности. Предстоит многое сделать для популяризации химии среди трудящихся.

Надо сказать, что в пропаганде химических знаний огромное значение имеет писательское слово. Писатель, человек, мыслящий образами, может неизмеримо ярче и доступнее донести до широкой читающей аудитории даже сложные понятия о химических процессах, о труде работников химической промышленности, исканиях ученых, чем сами химики, которые далеко не всегда излагают свой материал достаточно популярно и доступно для понимания. Очень важно, чтобы писатели приняли самое непосредственное участие в этом большом деле.

В настоящее время мы готовимся к новому большому событию в жизни советских химиков — к VIII Всесоюзному Менделеевскому съезду, который состоится в конце этого года. В его работах примут участие примерно полторы тысячи человек, в том числе около сорока зарубежных ученых.

— В заключение мне хотелось бы самым настойчивым образом подчеркнуть важность скорейшей организации Дома химии, — сказал проф. И. П. Лосев. — Необходимость в создании такого центра пропаганды химических знаний уже давно назрела. Все это вместе послужит успешному решению новой великой задачи, выдвинутой Коммунистической партией, задачи, встреченной с огромным удовлетворением всем нашим народом.

Краснодарская шахта № 2 «Северная» — родина замечательного починка бригады забойщиков Героя Социалистического Труда Николая Мамай. В этом году на шахте стала выходить многотиражная газета «Новатор». В ней печатаются материалы, рассказывающие о трудовых буднях горняков. Частые авторы этой газеты — сами шахтеры. Вот и сейчас Н. Мамай (в центре) принес редактору свою заметку.

Фото Р. Абриелла

Конкурс на лучшую одноактную пьесу

К 40-летию Ленинского комсомола Министерство культуры СССР, ЦК ВЛКСМ и Союз писателей СССР объявляет конкурс на лучшую одноактную пьесу о советской молодежи и комсомоле. Это должны быть произведения о труде, учебе, отдыхе советской молодежи, о высоких моральных качествах юной и юношеской страны Советов, о дружбе народов СССР, о борьбе за мир. За лучшие произведения устанавливаются премии.

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Ну вот хотя бы выступление Г. Истомина, военного врача:

— ...Еще, товарищи, хочу сказать о Котлярове. Вы все, конечно, его помните, — тоже из нашего выпуска. Лет двадцать мы с ним не виделись. И вот, под Касторной, когда я делал операцию, началось бомбежка. Меня в операционной и контузился. Так он, Котляров, меня выволок из-под трупов — вот была встреча!

Пусть бы послушала молодежь рассказы старых врачей о том, как служили они народу в дни мира и в дни войны. Порой мы слишком «общо» показываем народное прошлое — надо бы конкретнее. На счет того, что был при царе городовым, они отлично все знают, а вот известно ли нынешним харьковским студентам-медикам, какая «гражданская война» шла в их собственном вузе? Знают ли они, к примеру, историю старинной фрески, которую выдвигал всякий раз, входя в анатомический корпус?

На картине изображен врач в красной мантии. Он склонился над трупом юной девы, в его руках — мертвое сердце. Врач глубоко задумался. Почему наступила смерть? Можно ли победить ее? Многие поколения студентов благодарно останавливались у этой стены. А писана «старинная фреска» в 1918 году.

Об этом рассказал один из юбиляров — Иван Иванович Грищенко, профессор, заслуженный деятель науки, нынешний заместитель директора Харьковского медицинского института.

Старая буржуазная профессора во главе с деканом Пенским, откровенным черносотенцем, презрительно поглядывая тогда, в 1918 году, на «кухаркинских детей», осмелившихся войти в храм науки. Проповедовалась «теория», что-де ни на по силам будет высокая премудрость, не-

минуемо «истощение нервной системы». А студенты, голодные и разутые, были полны решимости доказать реакционерам и злодеем всему миру, что, как выразился профессор Грищенко, «общественность в новых условиях Советской власти может создавать научные ценности».

В эту пору молодой профессор В. Воробьев, блистательный лектор, темпераментный исследователь, талантливый анатом (впоследствии он, как известно, участвовал в балзамирвании тела В. И. Ленина), предложил создать в институте анатомический музей. Комячейка и староста курса горячо поддержали профессора. И вот будущие хирурги, терапевты, невропатологи своими силами берутся ремонтировать аудиторию. Знаменитую фреску пишет друг Воробьева, директор Харьковского художественного училища Любимов со своими учениками, которым Воробьев преподавал анатомию. Композицию картины обдумывают всем старостам, роются в библиотеках, выискивают старинные фолианты, подбирают в анатомичке натурные препараты для художников... Все это тогда, в 18-м году.

Нынешние комсомольцы — студенты должны лучше знать, как завоевывались их права, которые сегодня они принимают как нечто само собой разумеющееся. Пусть знают они и бурную историю завоевания Харьковского медицинского общества — для них оно завоевывалось. В те годы, о которых идет речь, им не было бы доступа в Общество врачей — замкнутую касту частнопрактикующих тузов и владельцев больницы. Врачи выпуска 1922 года отлично понимали это. И вот в противовес старому обществу в Харькове организуется молодежная научная ассоциация. Во главе ее становится

ФЕЛЬЕТОН

Данилыч на орбите

БЫВАЮТ ЖЕ, право, встречи...

На днях совершенно неожиданно я встретил друга незабываемых лет моей юности. Мы не виделись с Генькой, — простите, с Геннадием Данилычем Стебелковым, — пожалуй, так лет пятнадцать. Да, с той самой поры, когда невдомая ракетостроитель, как сказали бы мы теперь, подыала его до стальных сфер, вывела на недосыгаемую (для меня, разумеется) орбиту и он начал стремительно вращаться по упомянутой орбите.

Первые годы после разлуки мне не были в точности известны его координаты. Зато впоследствии они более или менее прояснились. Когда Геннадий набрал завидную высоту, его уже можно было наблюдать при помощи таких доступных средств, как пресса и радио. Теперь я, равно как и вся широкая общественность, достоверно знал, что вчера директор института Г. Д. Стебелков в беседе с нашим корреспондентом сообщил, либо что он в составе делегации выехал на международный конгресс в... Кроме газет и радио, появлялся еще источник достоверной информации. Перелистывая свеженький том и встречаясь в том то месте Г. Д. Стебелкова если не в качестве главного редактора, то как члена редколлегии либо как научного консультанта.

Я от души радовался за земляка. Лишь порой брала меня оговорка: как это он, сердешный, со всем управляет-ся? Не подорвал бы здоровья! И куда там в центре смотреть, сокрушался я, не берегут кадры.

Немало высокоотлетавших и многоуважаемых людей вышло из наших родимых мест. И, естественно, меня не удержимо влекло к земляку, уж очень хотелось взглянуть на него невооруженным глазом, пожать его руку, поздравить, обнять, если позволит ситуация. Хотелось потолковать с ним о том, о сем, задропать, как бывало, в нашем родном Холмогорске.

Побуждаемый добрым чувством, каж-

дый раз, попав в столицу по делам службы и поивдав многих знатных земляков своих, плодотворно работавших на разных участках, я по несложному раз в день набирал номер служебного телефона Геннадия. Но увы! В трубке никогда не было слышно его голоса. Некая дама, вероятно, сотрудница, обычно допрашивала меня:

— Кто говорит? Откуда? По какому вопросу?

Кратко сообщив требуемые сведения с себе, я объяснял собеседнице: хочу поговорить по личному вопросу. Я подчеркивал последние слова, поверив И. Ильфу и Е. Петрову, будто этому мотиву отдается предпочтение в некоторых приемных.

— Геннадий Данилыч меня знает, — уверял я сотрудницу. — Мы ведь с ним, бывало, вместе на рыбалку. — Товарищ, поймите, — звучит женский голос на другом конце провода. Геннадий Данилыч с часу дня на учебном совете, в половине третьего — на коллегии, затем у него лекция в обществе...

Теперь, надеюсь, каждый поймет, сколь безмерна была моя радость, когда случался, — именно случался! — счастливый для меня, а не для моего земляка, стукнул нас, что называется, лицом к лицу на одной из людных московских улиц. Представьте, я встретил человека, в котором скорее угадал, чем узнал Геннадия. Он посолондел, отпустил усики, которые, впрочем, не скрадывали излишне выдающихся скул его строгой физиономии. Левая рука Данилыча была обременена модным портфелем. Меня поразило и даже напугало горестное выражение лица Геннадия. Поэтому, едва опознав друга, я спросил:

— Что с вами? (На «ты» обратился по старинке не решился). Неприятности?

— Угадал, братец. Две неприятности сразу: вчера где-то оставил галочку, а сегодня утром машина вышла из строя... Вот теперь, изволь, странствуя из одного конца города на другой без транспортных средств.

— Только и всего! — воскликнул я. — К вашим услугам метро, автобусы, трамвайбусы, такси, наконец, если срочно нужно.

— Такси хорошо бы... Только как это обеспечить?

Вместо ответа на вопрос я тут же остановил встречную «Победу» с зеленым глазом. И вот мы сидим плечом к плечу, а машина мчит по заданному маршруту.

— На лекцию опаздываете? — осведомился я.

— Нет... сегодня, понимаешь, выкроил часок, чтобы нанести визит в редакцию журнала «Вопросы природы», а то деловое как-то, не был еще там ни разу.

— Как «не был»? — с изумлением воскликнул я. — Всем известно, что вы там занимаете пост...

— Занимаю... Ну и что же? Со мной согласовывают основные темы и ведущих авторов. Там опытный зам с ученой степенью.

При этих словах он метнул в мою сторону взгляд, в котором я прочитал: «Ну и найден же ты, братец!» Геннадий Данилыч перевел разговор на другую тему:

— Вот что, дружище, ты меня здорово выручил сегодня с этим такси. Да... приходи-ка вечером, после шести, ко мне домой, там и потолкуем на досуге, за чайной чашкой.

— А вы разве после шести, как все прочие, сразу — домой? У вас столько постов, да еще каки-ка! На одном хотя бы из них, если трудиться, так дня, полагаю, иной раз не хватит.

— Да, постов порядочно у меня. Ты прав, — великодушно подтвердил мой собеседник и пояснил: — Трудно, конечно, приходится. Но, в общем, управляется. Втянулось. Так-то. Не забудь же, приходи. Жена будет рада.

Мимолетная встреча с Данилычем породила в голове моей сумятицу. Я, однако, не торопился привести свои мысли в стройную систему. Вот, думая, я сидим вечером на досуге за чайной чашкой, и все прояснится.

Не стану описывать квартиру Данилыча. Замечу лишь, что в ней я увидел

все, что полагается в квартире. Только кенара, кажется, и недостало.

Желая погостить у самолюбного хозяина, я заметил:

— Чудные полотно! Право, не знал, что вы, Геннадий Данилыч, тонкий знаток и страстный любитель живописи...

Хозяин в ответ как-то неопределенно улыбнулся. А хозяйка Матильда Аристарховна пояснила:

— Это влияние коллеги Усачева. Геннаша вместе с ним рыбачит. А у того, представьте, сплошь все стены, даже на кухне, увешаны картинами. Ну вот и наш туда же...

С благоговением переступил я порог рабочего кабинета Данилыча. Там на роскошном письменном столе лежали номер «Огонька» с неразгаданным кроссвордом и какие-то типографские отписки.

— Все это, конечно, надо срочно читать? — спросил я, указывая на отписки.

— Вызоровы? — пояснил хозяин.

— Не читая?

— Всего не прочтешь, мил человек, — начал Данилыч. — Промолчу, кое-где пометки сделаю и завинчую. — А если ошибка? — не унимался я.

— Есть же исполнители. Они-то знают, что за ошибки бывают.

Смешнув, что это дело не моего ума, я поспешно перевел разговор в иную плоскость. Устремив взгляд к книжному шкафу, молвил:

— Разрешите познакомиться с вашими рабами.

Припомнил, что так называл книги Карл Маркс, и желая снять с себя доброе расположение к себе со стороны хозяина, я и упомянул о «рабах». А он, хмырясь, спросил:

— Каким там еще рабы?

Действительно, книги эти не ведали рабства. Они вызывающе подблескивали ползостой обложке, их страницы не имели пометок и закладок, короче говоря, не обнаруживали обычных следов штудирования.

Тут как раз кстати хозяйка любезно пригласила нас в столовую.

Окинув взором богато сервированный стол, я изумился — вот так «чай!» — и, поблагодарив хозяев за гостеприимство, поспешил извиниться, что из-за меня такие хлопоты и расходы.

— Ах, оставьте! — успокаивала меня Матильда Аристарховна. — Вот по-вашему приедут Усачевы, и можно будет «уплудку» организовать, «козла» забить. А пока выпьем за приятную встречу, потом будет и чай.

О чем бы я ни заводил речь, мы неизменно приходили все к тем же исполнителям, заместителям и визионерам. Между прочим я пытался вести беседу на литературные темы, потолкувал, например, о своеобразии «Исповеди» Руссо. Оказалось, что мой любезный хозяин знал кое-что об этом произведении и его авторе в объеме романа Л. Фейхвангера «Мудрость быдака», да и то со слов Матильды Аристарховны.

Я не стал дожидаться Усачевых, да меня и не удерживали. Прощаясь с хозяевами, пригласил Данилыч (с супругой, конечно) в родной Холмогорск, на что последовала такой ответ:

— Радехонек бы, как говорится, всей душой да, выйдя ни, точно сия лежит в отдалении от моей орбиты... В Швейцарии бывал, в Италии бывал, а вот в Холмогорске никак не выберусь.

Я улыбнулся по поводу этой тирады и подумал... Эх, Данилыч, Данилыч!.. А ведь каким ты был на заре своей лучезарной юности! Недаром мы все завидовали твоим способностям... А вот выдвинули человека и начали толкать во все комиссии да редколлегии. Другой, может, сказал бы мужественное «нет!».

А Данилыч не устоял, сообразился. И так закружила, завихрилась его многоответственная стихия, что и на усовершенствование свое времени не хватало. И поотстал, поотстал...

Впрочем, он не безнаден; стоит только разгрузить человека, поубавить ему постов да спрашивать с него как следует. Глядишь, — переменится... Не будем терять надежды.

Н. КЛИНКОВ

О. ВОЙТИНСКАЯ КОМПАС В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

ЭТО НЕ ОБЗОР отделов критики первых номеров литературных журналов за 1958 год. Это заметки товарища на работе, которые не претендуют на полный охват всего того, что напечатано в журналах за четыре месяца, и, естественно, не могут дать законченного представления об актуальных проблемах и достижениях критической мысли. Но нам кажется, что и эти далеко не полные заметки подводят читателя к некоторым выводам.

Несомненно, под плодотворным воздействием указаний ЦК КПСС редакции большинства журналов более четко определили свои идейно-эстетические позиции, активнее стали вмешиваться в ход литературного процесса. Чаще, хотя все еще недостаточно часто, начали появляться статьи боевого, наступательного характера против ревизионизма. Из них прежде всего хочется отметить весьма актуальную по проблематике и хорошо теоретически обоснованную статью Г. П. Павлова «О наших дискуссиях» («Нева», № 1).

Т. Павлов справедливо утверждает, что дискуссии не подлежат ни основы нашей теории, ни необходимость активной и бескомпромиссной борьбы с ее «исповроветелями» из лагеря реакции и ревизионизма. Рассматривая дискуссию как научный фактор прогресса научной мысли и революционного переворота, он обосновывает соратников из лагеря мира, демократии и социализма, Т. Павлов приходит к выводу, что практическое, жизненное значение любого теоретического спорна, любого обсуждения определяется верными исходными позициями, наличием идейного компаса. Опираясь на поучительный опыт идеологической деятельности Болгарской коммунистической партии, он пишет: «...важно то, что при всех наших дискуссиях мы никогда не делали никаких принципиальных идеологических уступок дискутирующим с нами...»

Оценявая в этом верном аспекте идейно-эстетические споры в лагере социализма, Т. Павлов солидаризируется с

По страницам московских и ленинградских литературных журналов

В. Досталом (Чехословакия) в его критике антимарксистских взглядов Я. Котта (Польша) и спорит с его, досталовским, определением социалистического реализма, как «рабочей гипотезы». Такое определение, подчеркивает Т. Павлов, ведет к отрицанию объективно-познавательного характера и преобразующей роли искусства нового типа.

Внимание читателя привлекает также глубокие размышления Т. Павлова о предмете и методе искусства; об отличии социалистического реализма от критического в изображении личности и народного масс; о принципах создания марксистской истории литературы. Некоторые его выводы нам представляются весьма дискуссионными, например, выдвинутые им утверждение о некоем реалистическом принципе, якобы присутствующем всегда и всюду истинному искусству. Но в основном это верная, отлично аргументированная статья, сокрушительно атакующая ревизионизм.

Боевой, наступательный характер присут и содержательной статьи М. Сидорова «Ревизионизм — это антимарксизм» («Москва», № 1). Подвергнув критике выступления идеологов ликвидаторского похода на марксистскую эстетику типа Анри Лефевра (Франция), Романа Зманана и Лешка Коласковского (Польша), М. Сидоров делает вывод о необходимости разнутового наступления на ревизионизм в международном масштабе. Это одна из насущных задач работников идеологического фронта в странах социалистического лагеря.

Но две статьи за четыре месяца — это очень и очень мало. Редакция «Нового мира» поместила в первой книге журнала острые заметки, разоблачающие реакционные, антисоветские выступления за рубежом (В. Стежен-

ский «Ниспровергатель социалистического реализма из ФРГ» и Р. Фил «Что же отстаивает сталинский «Енисей?»). Нет нужды особо доказывать, сколь необходимы и своевременны статьи такого рода в борьбе против буржуазной идеологии. И очень жаль, что «Новый мир» больше не возвращался к критике «ниспровергателей» социалистического реализма; критике, которую, вкратце сказать, хотелось бы видеть и на страницах других журналов.

В БОРЬБЕ с проявлениями ревизионизма в советском литературоведении впереди идет «Знамя». На его страницах опубликованы статьи Е. Суркова «Когда потерял компас...» (№ 2) и А. Макарова «Разговор по поводу...» (№ 4) (о ней уже говорилось в «Литературной газете»), выходящая из ряда аналогичных работ примечательна и отличным публицистическим темпераментом; той доказательностью и последовательностью своих позиций, которые так существенны во всякой критике, во всяком идейном споре.

Е. Сурков, полемизируя с авторами ряда статей в журнале «Театр» за 1957 год, зачастую выходит за пределы театроведения и высказывает интересные, хорошо аргументированные суждения по таким актуальным проблемам эстетики, как роль вдохновения и знания в процессе творчества; отличие художественного воспроизведения от натуралистического подражания в эстетическом освоении действительности. Жаль только, что в другой своей статье «Женя Шульженко, ее друзья и недруги» (№ 3), где тоже сказано немало верных слов о нигилистическом «направлении» нашей драматургии, критик не сумел достаточно точно и определенно охарактеризовать идейно-эстетические просчеты «Фабричной девочки» А. Володина, причины отхода автора от исторической и художественной правды.

О социалистическом реализме как художественном методе утверждения социалистической действительности гово-

рится и в острой, свежо звучащей статье «Герои истинные и мнимые» Арк. Эльшевича («Звезда», № 2) и в статье «Дорогами жизни» З. Бедриной («Новый мир», № 1). Эти же верные исходные позиции определили направление тематических обзоров, написанных в связи с социалистической Армии А. Макарова «Немеркнущие образы» («Знамя», № 1 и 2), В. Дружинина «В мирные дни» («Новый мир», № 2; В. Катинаев «Федоров, Делюх, Ермаков и другие» — «Знамя», № 3). К сожалению, не во всех этих статьях публицистический замысел авторов воплощен в эстетическую концепцию. Не везде критикам удалось показать читателю, как следование принципам социалистического реализма активизирует талант писателя, обогащает его художественную индивидуальность. И, наоборот, как отрыв от жизни, идейно-эстетические просчеты пагубно отражаются на его дарования, уводят в сторону от ведущей магистрали советского искусства.

В литературоведческих книгах и статьях последних лет зачастую приводится известное ленинское высказывание о том, что в искусстве «весь год в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данных типов». Это важнейшее ленинское указание вошло в обиход нашей критики, когда она говорит о литературных типах и характерах. Но почему-то оно зачастую не распространяется на литературный процесс в целом, который во все времена создавался художниками с ярко выраженной творческой индивидуальностью.

О том, сколько плодотворна ленинская мысль применительно к анализу типа творчества и характера дарования писателя, и о том, сколь пагубна противостоящая многообразно социалистическому реализму нивелирующая тенденция, свидетельствуют и статьи, появившиеся в журналах.

Когда З. Бедрина пишет, например, о произведениях И. Шухова и Е. Дороша, стремясь раскрыть своеобразие их творчества, у нее возникают и новые мысли, и интересные суждения о связи литературы с социалистической действительностью, об особенностях ее воспроизведения в различных жанрах. Но посмотрите, какими стертыми от частого употре-

ления, нивелирующими словами пользуется автор статьи, анализируя новые произведения таких ярких и своеобразных художников, как М. Шолохов и А. Твардовский. И не объясняет ли это упрощенным представлением о природе художественного образа, когда функция его сводится лишь к иллюстрации мысли, а идейно-эстетический анализ подменяется схематическим обзором сходных тем и идей у различных художников? Читая статьи такого рода, еще раз убеждаешься, что нивелирующий подход к явлениям литературы приводит к утрате творческой индивидуальности и самого критика.

Казаюсь бы, что весь богатейший опыт нашего искусства неопровержимо доказал бесплодность нивелирующего схематизма. Однако на страницах журналов все еще можно встретить унылые статьи, в которых набор общих слов и шаблонных приемов заменяет вдумчивое изучение жизни и литературного процесса. Возьмем, к примеру, статью А. Ходюка об Алексее Толстом «Писатель — патриот земли русской» («Нева», № 1). Все в этой статье правильно. И то, что А. Толстой «прошел долгий и трудный жизненный путь»; и то, что его «всегда волновали вопросы реализма и народности искусства»; и то, что «познание души народа, познание русского характера» «стало плотью его произведений»; и то, что «говоря об А. П. Толстом, нельзя не сказать и о его выдающейся роли в развитии литературного языка». (Подчеркнуто мной.)

— О. В., но странно, А. Ходюк, добросовестно перечислив все это, не сумел ни создать живой образ Толстого, ни проанализировать тот сложный путь, который пришел писатель в стан социализма, — путь, который свидетельствует о величайшей притягательной силе нашей партии и озорного идеями Ленина социалистического строительства. Как художочка, как бледная статья А. Ходюка в сопоставлении с яркими, талантливыми заметками о Толстом Н. Никитина в журнале «Звезда» (№ 1). Н. Никитин не руководствуется противоположительно литературному анализу формулой «нельзя не сказать», которую положил в основу своей статьи А. Ходюк. И ему удалось показать, что Толстой — писатель с богатым, своеобразным талантом.

Детище Горького

В МАЕ 1933 ГОДА вышла в свет первая книга горьковской серии «Библиотека поэта». Это был сборник стихотворений Г. Державина, подготовленный к печати большим знакомым поэзии XVIII века Г. Уховым. Ответственным редактором этого сборника был я, но немалая доля труда была в него вложена членами редакционной коллегии Ю. Тыниновым и И. Груздевым, с которыми я советовался по множеству вопросов.

То далекое время было еще очень близким к эпохе, когда существовал РАПП, — ведь только год отделил выход в свет первого сборника «Библиотека поэта» от известного постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературы — художественных организаций. Сейчас в некоторых литературных кругах вошло в моду огульное отрицание деятельности РАППа. Не учитывается, что на первом этапе своей работы особая пролетарская организация, объединившая много талантливых писателей, сыграла свою положительную роль. В новых исторических условиях, когда у нас выросли кадры советской литературы, РАПП стал мешать развитию литературного дела: в изучении наследия отрицательно сказывались вульгарно-социологические воззрения рапповцев.

В пору рождения «Библиотека поэта» эти рапповские традиции еще были серьезным препятствием на пути исследований, изучавших вопросы, связанные с литературным наследием. Помню, например, множество нападок пришлось нам выдержать из-за включения в план первого сборника оды Державина «Бог», объявленной чуть ли не враждебной по своему содержанию новой, революционной эпохе. Много усилий пришлось тогда затратить на защиту этого гениального произведения, бывшего одним из самых замечательных документов стихийного материализма в русской литературе XVIII века. Теперь, конечно, неслезно вспоминать, сколько было пережито нами из-за этой книги. Но я вспоминаю эпизод нашего данного прошлого, чтобы дать современному читателю представление о том, в какой обстановке рождалась «Библиотека поэта».

Чувство нашей ответственности было велико и потому, что именно сборником Державина начиналась большая серия: в ней была напечатана статья А. М. Горького о «Библиотеке поэта», ставшая перед мастерами стиха множеством важных вопросов, не решенных и по сие время. Нас очень обрадовало тогда, что Алексей Максимович одобрил отнесение к первому сборнику. С годами серия росла, план ее непрерывно расширялся, новые, хотя и забытые, но прекрасные имена входили в круг духовных интересов молодого поколения. Теперь, когда уже выплодился огромный ряд, видно, каким всеобъемлющим был план «Библиотека поэта».

Небольшому редакционному коллективу, объединявшему при основании серии Н. Тихонова, Ю. Тынинова, И. Груздева и пишущего эти строки, пришлось немало потрудиться, выполняя планы основателя и руководителя серии А. М. Горького. По мысли Алексея Максимовича, серия должна была непрерывно расширяться. Подымались огромные пласты великой поэтической культуры народа, и все историческое развитие русской поэзии получало новое освещение.

Каждый раз, когда мне приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем, я восхищался широтой интересов великого писателя и напряженностью его духовных исканий. Н. Тихонов метко назвал Горького великим исследователем. Сколько раз чувствовал я правоту этих слов, когда Алексей Максимович выливал перед нами новые задачи...

Однажды у нас возникла мысль о создании сборников русской провинциальной поэзии XVIII, XIX и XX веков. Кто-то предложил тогда пересмотреть всю периодическую русскую печать трех столетий, чтобы не пропустить ничего значительного

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА» — 25 ЛЕТ

и интересного. Этот замысел заинтересовал Алексея Максимовича, и он тотчас начал называть десятки имен. В другой раз разговор зашел о тех рукописях Пушкина, которые, по имеющимся тогда сведениям, находились в собственности различных, чуждых литературе, лиц за границей. Вряд ли надо доказывать, что каждая неапечатанная строка Пушкина — величайшая национальная ценность. Алексей Максимович долго вслух размышляла о том, как вести эти великие ценности в культурный обиход наших современников, и одобрил отнесение к словам одного из нас, сказавшего, что если поиски унывают, успехом, хорошо бы печатать неизвестные тексты Пушкина в «Библиотеке поэта». Об эти мечты не удалось осуществить, но трудно забыть, как они увлекли Алексея Максимовича.

Прекрасно понимая, что многое из задуманного им покажется нам непосильным для осуществления, он порою не сразу вводил нас в курс своих замыслов. Так, не мог я, например, предполагать, что из разговоров о фольклоре, которые он вел со мной, о связи литературы устной с литературой письменной, родится план обширнейшей библиотеки фольклора, которую намечал создать Алексей Максимович. По ряду причин не удалось осуществить издание этой серии, но ее план, разработанный под руководством Горького, всегда будет привлекать внимание людей, занимающихся изучением устного народного творчества.

Выпуски основной Алексеем Максимовичем «Библиотека поэта» сегодня — на заветных полках и в книгохранилищах, и во множестве частных собраний. Во время войны мне довелось встречаться с тяжело раненым офицером, много месяцев пролежавшим в госпитале. Он случайно нашел среди книг, которые ему прислали, сборники «Библиотека поэта». С удивительной настойчивостью он стал собирать те выпуски серии, которые ему особенно хотелось читать и перечитывать, и через несколько месяцев мы установили, что он собрал все книги, выпущенные «Библиотека поэта».

— Изучив книги серии, я необычайно расширил свое образование, — сказал он. — Ведь эти сборники не только дали мне много знаний по истории русской поэзии, но и помогли глубже понять всю историю русской культуры... Этот читатель, ставший любителем стихов, принадлежит к кругу многочисленных друзей «Библиотека поэта» — они есть и среди научных работников, и среди учащихся, и среди обычных любителей чтения.

Особенно важным подспорьем стала серия в творческой учебе наших поэтических кадров. Любой современный поэт найдется в сборниках «Библиотека поэта» материал для изучения, и для многих людей, работающих в области стиха, они становятся настольными книгами.

Алексей Максимович мечтал когда-то создать, на основе предельной в сборниках, историю русской поэзии на всех этапах ее развития, от древнейших времен до наших дней. Надо надеяться, что этот план Горького будет осуществлен в ближайшее время. Русская поэзия — одна из величайших в истории мировой культуры, и особенно радостно сознавать, что она была первой, чей монументальный свод осуществлен в наше время.

Многих работников «Библиотека поэта», принимавших участие в ней с дня основания, нет уже в живых. Выросли молодые кадры исследователей, продолжившие работу по изучению огромных духовных богатств, накопленных русской поэзией за века ее исторического существования.

В день двадцатипятилетия «Библиотека поэта» хочется пожелать ее участникам новых успехов в их труде, важном для всей нашей культуры.

В. САЯНОВ

тем сопоставления трех книг: «Время жить и время умирать» Э. М. Ремарка, «Солдаты идут домой» Ганса Леберхта и «Другой путь» Альмара Грина — писателей, работающих в разных социально-экономических условиях, писателей с разными творческими путями и художественными индивидуальностями. — Н. Толченова приходит к крайне противоречивой оценке романа Ремарка, на мой взгляд, заслуживающего критического, но более серьезного к себе отношения. А критика Н. Толченовой так схематична, так неуверительна, что она только мешает глубокому творческому обсуждению.

Н. Толченова утверждает, что новое произведение Ремарка не отвечает «задачам активной, деятельной борьбы за мир, задачам передовой прогрессивной литературы и прежде всего ее главной задаче — победить врага». Н. Толченова склонна упрекать Ремарка в том, что его герой Гребер является человеком промежуточным, «нейтральным». Он не приемлет фашизм и вместе с тем совершенно не способен к борьбе против фашизма. Автор статьи уверен, что Ремарку надлежало превратить Гребера в революционера.

«Чем больше размышляешь над романом Ремарка, тем отчетливее видишь, — будь у героя (а еще раньше у писателя) иное сознание, иное отношение к происходящему, иное мировоззрение, — он бы не только смог, он должен был бороться!». И Н. Толченова призывает Ремарка учиться у Леберхта и Грина, у которых ведущими героями романов о войне являются коммунисты, люди, активно борющиеся с фашизмом во имя торжества жизни, защиты и победы социализма.

Автору статьи и недомек, что Ремарк увидел против Гребера в немецкой действительности. Только апрорное представление о развитии литературного процесса могло побудить критика к столь примитивному, далекому от реальной действительности сопоставлению Ремарка с Леберхтом и Грином.

Руководствуясь субъективистским представлением о праве художника «распорядиться судьбой героя», Н. Толченова не только пытается неправильно

ориентировать крупнейшего писателя-антифашиста. Она проходит мимо действительно имеющих в романе авторских просчетов (например, неверного изображения Ремарком наших людей), много тех проблем, которые встают перед художниками типа Ремарка на их пути к активной антифашистской деятельности. Эта статья — еще одно доказательство, как нивелирующая тенденция мешает осуществиться благим намерениям критика.

В РЕДАКЦИИ большинства журналов еще мало заботятся о многообразии критических жанров. Крайне редки литературные обозрения проблемного характера. Они уступили место обозрениям тематическим, зачастую, как уже отмечалось, оставляющим в стороне своеобразие литературного процесса и художественную индивидуальности. В заоне критический очерк, редки литературные портреты.

Следовало бы редакциям серьезно поразмыслить о тематике обозрений. Здесь многое оставляет желать лучшего. Известно, что все наши литературно-художественные журналы являются и журналы общественно-политическими. Но, кроме «Нового мира», ни в одном из московских и ленинградских журналов не встретишь ни рецензии, ни библиографической заметки о вновь вышедшей научной и политической книге. Не все благополучно и с географией обзоров художественной литературы. По-прежнему вне поля зрения большинства журналов остается творчество писателей, печатающихся в республиканских и областных издательствах. Это обедняет представление читателя о богатстве советской литературы.

И очень хорошую инициативу проявляла редакция журнала «Октябрь», начиная систематически, из номера в номер печатая рецензии, обозрения книг, выходящих в областях и краях. На его страницах появилось обозрение воронежского «Подъема» (автор П. Трофименко), интересной по жанру и авторским наблюдениям очерк Галины Колесниковой «Летопись новой Сибири».

Триста томов

ЗА ДВА с половиной десятилетия «Библиотека поэта» завоевала большую популярность среди самых широких кругов читателей — литераторов, педагогов, студентов. Хорошо известны томики большой и малой серии «Библиотека» и за рубежом.

Начиная с прошлого года «Библиотека поэта» издается по новому расширенному плану и должна будет стать одним из наиболее полных сводов отечественной поэзии. В 1956—1957 году вышло в свет шестнадцать томов большой серии и восемнадцать — малой серии «Библиотека». Среди них — произведения А. Кантимира, не издававшиеся почти столетие; первое научное издание произведений Н. Гнедича; собрание избранных произведений И. Богдановича, автора знаменитой

«БЕЛЫЕ НОЧИ»

Фестиваль искусств в Ленинграде

Скоро в Ленинграде наступит пора, о которой Пушкин так вдохновенно писал:

...И не пуская тьму ночную На золотые небеса, Одна звезда сменяет другую Спят, дав ночи полчаса.

Именно в это время — с 7 по 22 июня — в Ленинграде будет проведен первый весенний фестиваль искусств «Белые ночи». В нем участвуют театры, кино, писатели, композиторы, художники, участники художественной самодеятельности, библиотеки, хоровое общество, дома культуры, клубы.

Каждый ленинградский театр покажет свои лучшие спектакли текущего сезона. Состоятся выезды театральных коллективов и отдельных мастеров сцены на предпрятия, в колхозы, организуя зрительские конференции.

Прозанки, поэты, драматурги выступят с творческими отчетами перед рабочими и сельскими читателями. 8 июня будет проведен День поэта. К этому времени выйдет специальный сборник новых стихов.

19 июня исполняется годовщина со дня установления на площади Искусств памятника А. С. Пушкину. В этот день у памятника организуется чтение стихов гения русской поэзии и новых произведений ленинградских поэтов.

Несколько передвижных выставок в дни фестиваля проведут художники. С творческими отчетами выступят композиторы. Их новые произведения будут исполняться на концертах, передаваться по радио. Все музеи города во время фестиваля проведут дни открытых дверей. В садах и парках Ленинграда, Петродворца, Пушкина, Павловска состоятся массовые гуляния.

Фестиваль закончится массовым праздником на стадионе имени С. М. Кирова и в Центральном парке культуры и отдыха.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корресп.)

Песни о родном крае

Встречу поэтов и композиторов г. Кирова организовало Кировское областное литературное объединение. Композиторы рассказали о своей творческой работе, исполнили ряд песен на стихи местных авторов. Поэты читали новые стихи. Участники встречи говорили о том, как важно издание хороших песен о родном крае.

Решено организовать при литобъединении секцию поэтов и композиторов-песенников.

гор. КИРОВ. (Наш корресп.)

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемый товарищ редактор!

Разрешите через Вашу газету выразить сердечную благодарность всем организациям, коллективам и лицам, поздравившим меня по случаю 50-летия со дня рождения и награждения орденом «Знак Почета».

Мир ДЖАЛАЛ

Важнейшие республиканские и всесоюзные съезды писателей. За несколько лет, прошедших со времени второго съезда, возникло много нового, примечательного в жизни и в литературе. Назрела необходимость в глубоком критическом рассмотрении литературного процесса между двумя всесоюзными съездами. Журналы должны показать достижения и просчеты нашей литературы, рассказать о том, как она выполняет свой гражданский долг перед народом. Пока по страницам журналов не чувствуется, что они активно включены в предсезонную работу. Этот серьезный недостаток надо быстро устранить.

ТРУДНО объяснить читателю причины молчания, которым встречает большинство наших журналов книги советских писателей о литературном труде, многие интересные исследования литературоведов и критиков. Вряд ли есть нужда перечислять все значительные книги на литературоведческие темы, которые не были удостоены внимания журналов. Достаточно сказать, что из вновь опубликованных трудов прозаиков и поэтов по творческим проблемам только одна книга вызвала отклик, и то лишь в одной редакции. (В мартовской книжке «Знамя» опубликована статья Е. Князевич о книге А. Фадеева «За тридцать лет».) И это очень жаль! Надо ли специально разъяснять, как важны для понимания и обоснования принципов социалистического реализма выступления советских художников по проблемам творчества и теории искусства?

Искусство, как и вся жизнь общества в целом, развивается усилиями живых людей. Игнорирование творческой индивидуальности деятеля любого жанра литературы не может не привести к схематизации и обеднению литературного про-

«Душеньки»: фундаментальное издание произведений А. Сумарокова; книга стихов Ф. Глинки, одного из видных представителей ранней декабристской поэзии, и другие.

В нынешнем году к юбилейной дате вышел ряд новых изданий. В большой серии — это избранные стихотворения А. Мейерхофа, лирический поэт XIX века (он, между прочим, является автором известной песни «Среди долины ровныя»); полное собрание сочинений А. Кольцова; избранные произведения поэта-демократа Л. Трофимова; стихи П. Вяземского. В малой серии изданы стихи Н. Языкова, избранные стихи и поэмы О. Тумаяна.

В ближайшее время читатели «Библиотека» получат полное собрание произведений поэта-декабриста А. Одоевского. Выход двух очень интересных сборников существенно дополнит наши знания в области русской поэзии

БЕСЕДА С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ «БИБЛИОТЕКИ ПОЭТА» В. ОРЛОВЫМ

XX века — «Максим Горький и поэты «Знания» и «Пролетарские поэты первых лет советской эпохи». Издается сборник произведений зачинателя и классика аварской поэзии Г. Цадаева. В малой серии будут изданы сборники «Поэты XVIII века» (в двух томах); «Русская эпиграмма» (XVIII и XIX вв.); а также сборники стихотворений И. Нарамзина, И. Дмитриева, В. Жуковского, Е. Варатынского, А. К. Толстого, В. Брюсова, Леси Украинки.

Следует назвать еще ряд подготовленных к изданию томов, которые, несомненно, представят для широкого читателя интерес. Это «Демократическая поэзия XVII века», избранные произведения основоположников русской стихотворной трагедии Я. Княгинина и В. Озерова, сборник «Поэты кружка Станкевича», сборник подпольной революционной поэзии, «Русская пародия» (XVIII—XX вв.), стихотворе-

ния В. Тредиаковского, К. Рылеева, А. Григорьева, А. Фета, П. Якубовича (Мельшина), Саша Черного. Значительно расширится издание произведений поэтов-классиков народов СССР, будут изданы антологии поэтов Эстонии, Азербайджана, сборник «Зачинатели советской поэзии Казахстана», стихи поэтов Белоруссии и другие.

Если сейчас на книжных полках у любителей поэзии стоят 286 томов нашей «Библиотеки», то к концу этого года число их возрастет до 300. Мы, работники «Библиотека поэта», — я могу сказать от лица всех ее участников, — стремимся внести свой посильный вклад в развитие советской культуры, донести до десятков и сотен тысяч наших читателей все богатство русской поэзии и поэзии народов Советского Союза. Мы стараемся делать это в духе заветов великого основателя нашей «Библиотеки» Алексея Максимовича Горького.

«Д-34» в Москве

ЭТОТ ТЕАТР носит непривычное имя — «Д-34». Но оно связано с техникой, как можно было бы подумать. Имя театра образовалось от первой буквы чешского слова «дивадо» (театр) и даты первого сезона (1934). Сами основатели театра, замечательный чехословацкий режиссер Эмил Франтишек Бурнан, да и весь руководимый им талантливый творческий коллектив вкладывают в это краткое название еще и другой, более емкий смысл. Ведь «Д» — начальная буква чешских слов «длинный» (рабочий), «дешевый» (сегодняшний день), «дав» (масса). Буква «Д» стала как бы своеобразным боевым паролем и лозунгом для театра, который с самого начала хотел сделать главным содержанием своей работы дешевый — сегодняшней день нашей жизни.

Мог ли такой театр, возникший при ближайшем участии рабочих и прогрессивной интеллигенции, как театр революционный, новаторский, рассчитывать на официальное признание? В буржуазной Чехословакии он был гоним властями и преследуем цензурой. В годы оккупации Чехословакия нацисты закрыли театр, а самого Бурнана бросили в концентрационный лагерь. Только после войны театр возродился и жизни, возродился под своим прежним именем «Д-34». Но в новых своих постановках он стремится становиться театром «Д-50», театром «Д-55», то есть активным соучастником своего бурного времени, своей эпохи. А слово «эпоха» в чешском языке, кстати говоря, тоже начинается с буквы «Д» (доба).

Живое чувство времени, вероятно, то главное, что отмечалось на спектаклях театра, знакомясь здесь, в Москве, с талантливым коллективом, с острым режиссерским «почерком» бессменного руководителя театра Эмиля Бурнана.

Его «Швейка», например, более энергичен и деятелен, чем это нам порой представлялось. Но именно таким и должны были увидеть Швейку люди, обогащенные горьким опытом двух мировых войн. Театр привнес не только неунывающий характер Швейки, его чисто народный юмор и здоровый ум, перед судом которого проходили полицейские, чиновники, военные, — весь насковоз прогнивший строй Австро-Венгерской монархии. Театр «Д-34» читая роман, оборвавшийся со смертью автора на полдороге. В аниметном герою Гашека он разгадал зрелищный протест, дух активности. И это сообщило сценическому образу новые краски.

В «Опере нищих» Брехта с ее иронической условной, подчеркнуто театральной игрой все время слышится серьезный социальный, политический подтекст. В конце концов, условно только форма спектакля, но не самые отношения его героями. То, что могло бы показаться фантастичным, преувеличенным, отражает реально складывающиеся отношения между людьми в капиталистическом мире. Там есть и «элегантный убийца» Мэчиз, и «король нищих» Пичем, и шериф Браун — «тигр» Браун для жуликов поменьше и «овечка» Браун для бандитов такого размаха, как Мэчиз. Там все продается и все покупается — любовь, честь, дружба. Продается единственная дочь

Сцена из спектакля «Швейка». Швейка — артист Франтишек Голар, Доктор Ганс Гайнц артист Владимир Брабец. Фото А. Ялина.

Франтишек Голар. Он по-швейковски простодушен и по-швейковски смешон. Но выражение глаз, лукавая улыбка, ловкий кошачий жест руки выдают того, другого Швейка, который гораздо больше понимает, чем это может показаться окружающим. Отанар Брюсек в роли Мэчиза, как думается, удачно пародирует стандартный образ «очаровательного убийцы» из американских фильмов. Нарисованный им портрет насковоз ироничен. За исключением, пожалуй, одного: общественного положения Мэчиза, его «вес» в капиталистическом обществе — это уже серьезно. Вот почему, когда в тюрьме Мэчиза начинают казнить, что общество смеет и впрямь обойтись без него, он и переживать начинает всерьез. Колоритный, гротесковый образ господина Пичем создается Зузана Кочова. Но и у нее в «Опере нищих» есть сцена, когда, исполняя песенку о матерях, она вдруг сбрасывает обычную маску, и мы видим уставшую от жизни, постаревшую женщину.

По-своему интересны и романтические Крысолов (Владимир Брабец), и свирепый шериф Браун (Феликс ле Бре), и умный, коварный Пичем (Карел Лич) и его своенравная дочь Полли (Виола Зинкова), да и другие исполнители главных и второстепенных ролей, имена которых нет возможности перечислить. Стоит хотя бы вспомнить перу в большом баране из «Швейка», сыгранную с гашекоским сольным юмором, где каждый эпизодический персонаж дает свой четкий и острый рисунок образа.

Можно было бы сказать, что броская, плакатная, внешне-ироническая манера вообще преобладает в театре «Д-34». На эту мысль наталкивают многие его спектакли, показанные в Москве. Невольно приходится пожалеть, что коллективу, умеющий так остро, по-современному осмысливать образы классической литературы и передавать черты народного характера, не познакомил нас с современным героем и современным драматургией в прямом смысле этого слова. Тут раскрылись бы новые стороны, новые творческие возможности театра.

Думается, такая встреча еще состоится!

А главное — главное в том, что на спектаклях театра мы как бы ощутили крепкое и дружеское рукопожатие чехословацких друзей, близко узнали замечательный творческий коллектив, о котором Бурнан говорил, что он всегда чувствовал себя идущим плечом к плечу с Советской страной.

Б. ГАЛАНОВ

Здесь жил Куприн

В Одессе, в доме № 2 по улице Энгельса, в 1910—1911 годах жил и работал русский писатель А. И. Куприн. В этот период он создал такие широко известные произведения, как «Гранатовый браслет», «Гамбринус» и ряд других.

В память о пребывании А. И. Куприна в Одессе на фасаде дома, в мемориальной доске, установлена мемориальная доска. На мраморе высечена надпись на украинском языке: «В этом доме в 1910—1911 годах жил писатель А. И. Куприн».

Поэтовчера в Центральном Доме журналиста состоялся вечер, посвященный А. И. Куприну. Лев Никулин рассказал об архиве писателя, содержащем некоторые его неопубликованные произведения, переписку с И. А. Бунинным.

На вечер с воспоминаниями об отце выступила дочь А. И. Куприна — Ксения Александровна.

